

Ветер Мезмы

ЯНА ЗАВАЦКАЯ

ХОЛОДНАЯ ЗОНА

Mystic & Fiction

← : ⇌ Mystic & Fiction ⇌ : →

ЯНА ЗАВАЦКАЯ

ХОЛОДНАЯ ЗОНА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
313

Составитель серии Иар Эльгеррус

Художественное оформление серии С.Соловьева

Завацкая Я.

313 Холодная зона. — М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2019. — 680 с.

Будущее не принесло людям радости, две сверхдержавы все же сцепились в разрушительной ядерной войне. Но цивилизация не погибла, прошло некоторое время после этой страшной войны, и мир в очередной раз разделился на два враждебных блока. Один из них — «зона свободной торговли» — живет, как и прежде: в Федерации элита купается в роскоши, а остальные граждане влачат жалкое существование, получая нищенский «основной доход», но и это — благо по сравнению с голодом и массовой нищетой в бедных странах. Однако есть и другая, большая часть мира, где люди строят новое общество, без эксплуатации и элит, без денежных мешков и рыночной стихии. На Земле еще много проблем — от военного противостояния двух блоков до ликвидации экологических последствий ядерной войны. Там нет того, что обещают нам оптимистичные фантасты — бессмертия, сверхлюдей, фотонных звездолетов и изобилия. Но есть надежда...

ISBN 978-5906827-72-2

© Я.Завацкая, 2019

© ООО ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Пролог

Про Бинха Лийя знала не так уж много. Когда он приехал в Кузин, ему было четырнадцать. По-русски уже говорил нормально, хоть и с акцентом. Звали его как-то сложно, вроде «Чон Йунг Бинх», короче — Бинх. И он уже был юнкомом. Только у них там, в Корее, это называлось иначе, и галстуки они другие носили; но тут он сразу надел обычный трехцветный, из трех переплетенных веревочек: черной, белой и красной.

На вид он был взрослый, спокойный, как летнее небо, непривычно чужой, хоть в Кузине и проживало немало разных национальностей.

Он отставал в учебе на два года от сверстников, его взяли в шестую параллель, зато в военке и физкультуре корейцу не было равных. Там у них было нашествие «бунтарей», цзяофани из Китая. Бинх почти год воевал — некуда было деваться. Теперь цзяофани почти разгромили, но мальчика вывезли в Россию еще раньше: требовалась очень сложная операция; осколок засел в позвоночнике, но врачам все же удалось вынуть его и восстановить спинной мозг.

Лийя тогда решила подать заявку в юнкомы, ей было всего десять лет. Бинх стоял в центре небольшой толпы старших ребят и говорил о строительстве полигона, сама Лада Орехова внимательно слушала его. Лийе надо было отдать заявку кому-то из ВК — так полагалось, лично отдавать, а не через комм — она протолкалась сквозь толпу, подняла листок, а ее никто не заметил. И вдруг Бинх оказался рядом, взял у нее листочек, улыбнулся и сказал: «Это здорово! Как тебя зовут? Лийя? Желаю удачи! Следующие испытания по теории, кажется, двадцатого».

Потом он ее прозвал Ли. Сократил имя. Но это было позже, когда Бинх стал ее поручителем в юнкомы, а потом и вожатым после отъезда Кати.

Вдалеке тянулась синяя изломанная полоса гор, под ней — широкая зеленая, она переходила в буро-желтую полуоткрытку; над горами стояло хрустальное светлое небо. Очень красиво, но Ли было уже все равно. Болели плечи. Ноги тоже болели, только пока сидишь, терпимо. Она примостилась на замшелом поваленном дереве, отдышалась и поглядела вниз, на путь, который они только что пределали. По узкой тропинке, среди густой тусклой зелени.

Ли посмотрела на Бинха. Тот сидел, привалившись к дереву спиной, расставив согнутые в коленях ноги, и как ни в чем не бывало жевал травинку. Черная копна волос, узкое лицо. Ли подумала в который раз, что раньше даже не могла себе такого представить: она и Бинх, вдвоем, в лесу. А сейчас это у нее не вызывает никаких особых чувств. Ни гордости, ни трепета.

Да ей и горы уже не нравятся. И небо. Слишком вымоталась. А еще столько же пилить до вершины.

Бинх поднялся.

— Пошли, — сказал он, — еще немного.

Они шли по узкой тропке среди сосен, которые отчаянно цеплялись за гранит извилистыми корнями. Бинх длинными ногами вышагивал впереди. Лийя отставала, разрыв делался все больше, он останавливался и молча поджидал ее. Иногда между сосен возникал просвет, и тогда видны были долина внизу и серая нитка реки, брошенная по дну долины.

Ли догнала Бинха на повороте. Подъем был крутой, дышалось тяжело. Он мельком глянул на нее, запыхавшуюся. Ли остановилась — вот и облегчение, постоять минуту. Ей вдруг вспомнилось, как ходили в категорийный поход в прошлом году. Тоже было тяжело. Агнеска с Таней едва плелись, и на привале, когда вот так же сели на бревнышко и под ногами раскинулись сосны, поток в долине, белоснежные курумы — реки из застывших глыб кварца, Таня сказала:

— Какая здесь красота! Надо как-нибудь сходить самим, без гонки этой. Надоело! Прешь, как танк, в гору, и посмотреть-то вокруг некогда.

Агнеска поддержала:

— Точно. Пойдем сами, потихонечку, гнать некуда...

Ли ничего не сказала, но подумала, что они, наверное, правы. Куда гнать? Но, с другой стороны, а зачем она, такая прогулка? Посмотреть на красивые виды можно и в Субмире. Или попроситься по обмену в Гималаи, там горы еще роскошнее.

В поход не за этим ходят. Не только за этим.

— Тяжело? — спросил Бинх, она кивнула. — Терпи, — сказал он и двинулся дальше, не снижая темпа. Ли вздохнула и полезла следом. Ему-то хорошо! Ноги длинные. Вообще он сильный. С одной стороны, как-то обидно. А с другой — ей нормативы юнкомовские сдавать, и там будет примерно так же. А подгонять будет некому, надо самой уложиться во время.

Камни скользили под ногами. Временами тропинка становилась крутой, и приходилось уже не идти — лезть вверх, цепляясь руками за корни и валуны. Скорее, скорее! Догнать Бинха.

Он имеет право так говорить: терпи. Он научился этому сам. Кто знает, сколько и как ему самому приходилось терпеть там, на войне. Он ведь почти ничего не рассказывает.

Сначала ей было неловко в присутствии Бинха, хотя Лийю уже приняли в кандидаты. Но чтобы стать кандидатом, требовалось только сдать общественную теорию на уровне юнкомовского минимума. Это для Лийи оказалось нетрудно, она любила учиться. Бинх сидел в комиссии, и когда заговорили о поручителях, вдруг сказал:

— Я могу. У меня еще нет кандидатов.

Лийя была первым кандидатом, за которого Бинх поручился. Наверное, поэтому он и отнесся к поручению с большой серьезностью. В тот же день они сели и разобрали, какие у нее есть дефициты, что нужно за год подтянуть. Дефицитов у Лийи было два — спорт и военка. Больше, собственно, ничего и не требовалось — второй экзамен был по теории общества и истории, за

это Лийя не волновалась. И активное участие в работе ячейки, тщательное и своевременное выполнение заданий (Лийе поручили еженедельно проводить поли-тинформацию в своем отряде и отбирать новости для сайта). Если все будет в порядке, через год ее примут в юнкомы, и к белому кандидатскому шнурку на шее добавятся еще два — черный и красный. Но надо будет еще сдать физподготовку и военку. Если, конечно, нет освобождения по состоянию здоровья; у Лийи его нет, она здорова, просто очень уж неспортивная.

— Ничего, подготовимся! — пообещал Бинх.

И они наметили план занятий. Потом отправились вместе обедать, время как раз подошло. У Лийи даже голова кружилась от гордости, и казалось, что все должны смотреть и удивляться тому, что вот она идет с Бинхом. Но никто не удивлялся и даже не смотрел на них. Они нагрузили подносы, сели за стол. Лийя подумала, что раз они вдвоем сидят и болтают, то можно и даже нужно спросить о войне. Ей ужасно хотелось, чтобы Бинх что-нибудь такое рассказал.

— Слушай, а как там было? Ну, на войне? — замирая, спросила она.

Бинх пожал плечами.

— Ничего хорошего. Страшно иногда.

И больше ничего не стал говорить, а она не решилась спрашивать. Потому что, видно, там было всего слишком много, и вот так, в нескольких словах, все равно не скажешь.

На вершине оказались небольшие скалы, и ребята, конечно же, полезли на них. Лийя не любила лазить.

Она цеплялась за камни руками и ногами, подтягивалась, и при мысли, что под ней — пустота и до каменного грунта лететь двадцать метров... или тридцать... или больше, уже неважно, — при этой мысли ее подташнивало. Бинх лез где-то вверху, прокладывая путь. Главное — не смотреть вниз. Лезть — и все. Глупо погибнуть вот так, без особой причины, не в бою с врагом, не чтобы кого-то спасти. А по-идиотски свалиться со скалы. Но об этом нельзя думать. Как говорит Лада Орехова, это внутреннее пораженчество. Надо просто лезть.

Она подтянулась. Бинх стоял на вершине, она видела широкие рубчатые подошвы его обуви. Но он даже не двинулся, чтобы помочь ей. Ботинок Ли скользнул вниз, сердце очередной раз рвануло страхом. Рука нашла опору — не слишком прочный камень, но много и не надо. Она подтянулась, плашмя упала на горизонтальную поверхность и, как червяк, некрасиво, стала вползать, извиваясь.

Потом долго лежала, раскинув руки на холодном камне. А Бинх говорил негромко: «Давай, давай поднимайся! Смотри, как красиво!» И она стала подниматься, с кряхтением, со стонами. Руки и ноги дрожали от усталости и пережитого страха. Сердце колотилось. Под ногами раскинулась вся земля — в темно-зеленых волнах тайги, в светлых прогалинах, с прожилками рек и ручьев. Дальние синие хребты гор. К востоку, на склоне — жемчужные коробочки школьных зданий. А за хребтом — город Кузин, но его отсюда не видно. А вот школа как на ладони: общежития, учебные здания, стадион, а самый крупный корпус с ситалловой крышей — производственный. Там, под крышей, своя пищевая фабрика и цех «Электрона». Ли подняла запястье с

коммом, отсняла всю картину в динамике и отдельных фото.

К западу вид был не так хорош — там начиналась запретка; в войну здесь были вроде ракетные шахты, по ним шарахнули термоядом. Новым зарядом, практически чистым. Радиации как таковой не осталось, но там, дальше — гигантская воронка, а отсюда видно выжженную черно-желтую пустыню с глянцевой поверхностью на сотни гектаров. Там до сих пор ничего не растет. Почва спеклась.

Бинх обнял девочку за плечи.

— Красиво, — сказала она, — но там — страшно.

— Здесь не так плохо, — ответил Бинх, — у вас много сохранилось. Здесь и в Сибири. В Корее много хуже. В Европе хуже. Как думаешь, до вечера вон тот перевал возьмем еще? Давай спускаться.

— Знаешь, что самое противное? Что гибнут люди вокруг — ладно. Это война, понятно. Что страшно — тоже... можно привыкнуть. А вот чего я никак понять не могу: почему их-то надо было убивать?

— Кого — их? Цзяофани?

— Они маоисты. Такие же простые крестьяне, как наши. Нормальные люди. У них руки такие все, в мозолях. Они же раньше тоже... может, досыта редко ели. Понимаешь? Я не знаю, почему так получается. Мы как-то в плен взяли троих. Я раньше дурак такой был, думал, это какие-то враги, буржуи. Предатели. А тут сидят нормальные люди, такие же, как мой отец, брат. Один молодой был. Люди как люди, свои же. Их расстреляли потом.

...Нет, ты не думай, это все правильно. Я потом об этом с комиссаром говорил, у нас девушка была комиссар, Чен ее

звали. Так вот, она мне объяснила. СТК ведь всех принимает, и их бы приняли. Но для этих СТК — это социмперализм, мы для них враги. У них самоуправление в деревнях, они против централизованного планирования. По их мнению, у нас власть не в руках трудящихся, а в руках партии. А у них будто партии нет, можно подумать.

— Это как анархи.

— Анархи или там троцкисты — они больше в Европе и Латинской Америке. А у нас — вот эти были. Это же они войну начали, понимаешь? Для них у нас этот... тоталитаризм. А они за народное самоуправление. На самом же деле при этом в деревнях у них все равно выделяются богатые. Это регресс, понимаешь? Возвращение к родоплеменному строю. А что крестьяне — ну так их обманули. Всякие интеллигентные прикормленные сволочи, может, даже оплаченные специально. Так Чен объяснила, и я понял. Очень много обманывают людей.

— Так всегда было. Всегда обманывали.

— Нет, ты не думай, я не колебался из-за этого. Они тоже наших расстреливали. Вообще, там же не размышляешь много. Вот есть свои — а есть враги, их надо убивать, и все дела. Но вот тогда я понял такую вещь, про классовую борьбу. Я когда маленький был, в школе нам еще говорили, мол, классовая борьба неизбежна. Но мы это так представляли, что это — война против буржуев и их наемников и прислужников. Понимаешь, о чем я?

— Да, наверное. Как в «Битве за будущее».

— Вот-вот, там как раз графика такая. Хорошая игра. Там магнаты ФТА, в костюмчиках, военные откормленные сидят, беспилотниками управляют. Солдаты тоже — в спецкостюмах, зверские убийцы. Я раньше как-то так войну представлял. И про этих нам объясняли — мол,

прислужники буржуазии. А они нормальные, обыкновенные люди, из бедноты. Но если их не убить — они убьют нас.

...Нельзя слишком просто мир представлять. Не делится мир на две половины. На черное и белое. Ну, или красное и коричневое. То есть делится, конечно, на классы. И да, все эти красно-черные, тигровые, оранжевые, сияющие, наксалиты, цзяофани — все они в конечном итоге оказываются за буржуев, за частную собственность. А то и прямо из ФТА финансируются, как на Филиппинах, например, выяснилось, или в Индии. Но как это все сложно, Ли. Если бы ты знала, как все это сложно!

— Все равно виноваты буржуи! Пока существует ФТА, все будет вот так. Они будут нанимать, подкупать и обманывать. Пока мы не разобьем ФТА. Когда-нибудь... — Лийя помедлила, боясь насмешки, особенно от такого человека, как Бинх, но все же произнесла: — Когда-нибудь я пойду воевать с ними.

И замерла, уйдя в себя, ожидая снисходительного «да ты не представляешь, что такое война», «не дай тебе разум» или «лучше бы тебе о чем-то другом подумать». Но Бинх протянул руку и коснулся ее плеча. Его черные глаза смотрели серьезно.

— Пойдем вместе, — просто сказал он.

Она лежала на земле, полешко под головой, слева приятный жар от костра, вверху — небо, которое и темным-то не назвать, с полной луной, усыпанное мелкими стразами звезд. Бинх сидел рядом, скрестив ноги. Воршил прутом угли, взбивая в небо всполохи золотистых искр.

Ли медленно жевала галету, и это было очень вкусно. Необыкновенно вкусно — после такого-то дня.

— Я экзамен сдам? — спросила она. Бинх кивнул.

— Сдашь. Кроссы, силовые, гимнастику — мы все подтянули. И если поход будет — сдашь.

Ли ощутила вялое, но приятное шевеление внутри при мысли, что и ее, наверное, примут в юнкомы. Даже не верится. Она — юнком!

— Спасибо, — сонно пробормотала она, — ты так со мной возишься.

Бинх накинул на нее одеяло.

— Спи, — сказал он, — я подежурю пока. Посижу. Ты спи.

Глава 1.

Воскресение

Сознание возвращалось толчками. Он выныривал из бездонных глубин сна, регистрировал свет, контуры, писк приборов — и опять безвольно погружался в небытие. Иногда он слышал голоса рядом, но не мог понять, что они говорят.

Так было много раз, прежде чем он проснулся по-настоящему.

Борта из прозрачного пластика, бестеневая лампа наверху. Писк мониторов над головой, шланги, трубки, катетеры.

У меня лимфосаркома, вспомнилось вдруг. Я скоро умру.

Для умирающего он чувствовал себя неожиданно хорошо.

Не как под морфином — когда боль на самом деле есть, но свернулась, как пес в будке, и ждет лишь момента, чтобы броситься снова.

Теперь боли не было совсем. Странно и непривычно. Он уже забыл, как это — когда ничего не болит. Сознание прояснилось. Он окончательно проснулся. Пошевелил руками, ногами — все на месте.

Меня перевели в другую больницу, подумал он. Потолок раньше был другой — в белых дырчатых квадратах. А здесь сплошной глянец. И бортики кровати, похожей на саркофаг. Он повернул голову и увидел серую крышку стола.

Последнее, что он помнил, — реанимация. Как нервно, стремительно везли на каталке, переключивали, не церемонясь, как волнами накатывал безумный страх, перекрывая даже привычную боль, — вот уже все? Конец?

Видимо, не все. Вытащили. Нашли какой-то способ. Перевели в другое место.

Он глубоко вздохнул, наслаждаясь самой этой возможностью — дышать полной грудью без давящей боли в узлах. Над ним склонилось встревоженное лицо молодой женщины.

— Здравствуйте, господин Гольденберг! Как вы себя чувствуете?

Сестра говорила почему-то по-английски. Гольденберг, это его имя. Рей Гольденберг. Он открыл рот и понял, что забыл, как говорят. С трудом, словно новорожденный, выдавил хриплый первый звук.

— Нормально. Для покойника просто отлично.

— Хотите пить? — Медсестра дала ему минералки из стакана с носиком. Он глотал с трудом. Пить не хотелось, но во рту все пересохло, и хотелось это смочить.

— Подождите немного, — медсестра исчезла из поля зрения, — я сейчас.

Рей услышал ее быструю взволнованную речь — она говорила, видимо, по телефону: «Пришел в себя. Ориентирован. Шутит! Да, пожалуйста, скорее...» Потом она исчезла. Ее место заняла женщина постарше, с лицом, похожим на искусно вылепленную маску.

— Здравствуйте, господин Гольденберг! Я ваш сопровождающий психолог. Вы меня понимаете?

— Конечно, — ответил Рей. Женщина улыбнулась.

— Меня зовут Анита Шульце-Росс. Можно просто Анита. Как вы себя чувствуете?

Рей ответил, что хорошо.

— Вы находитесь в центре экспериментальной медицины в Берне, — сообщила психолог. «Вот оно что! Наверное, мать постаралась, меня отправили в Швейцарию. Экспериментальная! Значит, на мне что-то пробовали, и это помогло. Ну что ж!»

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы помните, что с вами происходило?

— Ну последнее, что я помню — меня везут в реанимацию. У меня лимфосаркома. Похоже, нашли какой-то способ лечения, я правильно понимаю? Я уж думал, все, отбрасываю коньки. Мать не хотела, чтобы меня в хоспис... А что, долго я был без сознания?

— Да, долго, — кивнула психолог, — я все вам объясню. Сколько вам лет?

— Двадцать восемь.

Она надела ему на голову легкий шлем с металлическими планками и, глядя на монитор сбоку, задала еще несколько дурацких вопросов: о семье, воспоминаниях, потом он называл цвета и решал какие-то арифметические примеры. Психолог сняла шлем.

— Ваш мозг в полном порядке, господин Гольденберг.

— Это радует, — отозвался Рей.

— С того момента, который вы помните — как вас везли в реанимацию, — прошло очень много времени, — произнесла женщина, глядя ему в глаза, — прошли годы.

— Я что, был в коме? — пронеслись вихрем воспоминания о каких-то сериалах: там постоянно кто-нибудь впадал в кому, и потом, годы спустя...

— Медицинские детали вам объяснят позже. Но приготовьтесь к тому, что ваша ситуация необычна. И что теперь все будет иначе. Но самое главное, господин Гольденберг, — вы живы. Вы здоровы. Вы ведь были музыкантом? У вас богатая фантазия, вы легко приспосабливаетесь к новому. А теперь у вас все будет хорошо.

Он все еще много спал. Вечером молоденькая медсестра покормила его протертой кашей. Есть было странно, так же, как и говорить. Прошли годы — как он жил все это время? Питаясь через трубочку? На следующий день с утра Рея разбудил физиотерапевт и проделал с ним упражнения — руками, ногами, а потом помог Рею сесть на краешек кровати.

От вертикального положения закружилась голова. Рей закрыл глаза, но потом, открыв их снова, стал с любопытством разглядывать палату.

Бернский центр был ультрасовременным. Рей увидел приборы, мониторы, непонятные гаджеты футуристического дизайна. На стене висела копия Ван Гога в рамке — улица, освещенная фонарями, кафе. По ассоциации вспомнился Амстердам — когда они познакомились с Тимо; кстати, если прошли годы, то вспомнит ли его Тимо вообще? А Дженни? Не факт. Кстати, они его и в Кельне не очень-то навещали, когда он умирал. Но там, наверное, мать постаралась. Она на дух не переносила ни Дженнифер, ни тем более Тимо.

А в Амстердаме было клево, с тоской подумал он вдруг. После двух джойнтов улица плыла, как корабль в шторм, и казалось, из-под ног поднимается туман. Тимо обнял его за плечи. Гостиница была маленькой и стремной, с обшарпанными стенами, и с Тимо это было так остро, так всеобъемлюще, будто первый раз, из-за стены пахло турецким кебабом... Воспоминание вместе с чувствами нахлынуло так сильно, что Рей покачнулся. Физиотерапевт уложил его обратно в постель.

Дальше была очередь врачей. Двое — мужчина и женщина — осматривали, ощупывали его, водили над кожей какими-то приборами. Потом мужчина-врач удалил мочевого катетер.

Все они тут говорили по-английски. Врачи, персонал по уходу, психолог, темнокожая уборщица, которая явилась в палату с моющим роботом и запустила машинку. Рей прекрасно помнил, что в Швейцарии всегда можно было обойтись немецким или французским.

Что-то здесь было нечисто, что-то не так. Он начал беспокоиться. Но к полудню явилась психолог. Рей сразу взял быка за рога.

— Сколько лет прошло? Какой сейчас год?

Психолог внимательно посмотрела на него. И ответила:

— Сейчас две тысячи восемьдесят четвертый год.

Рей молчал примерно полминуты. Психолог ничего не говорила, давая ему возможность прийти в себя.

— Это же бред, — наконец произнес он, — вы издеваетесь? Я же не мог проспать семьдесят два года! Мне уже было бы сто!

— Вы не проспали это время, — жестко ответила психолог, — вы были мертвы, Рей. Вы умерли в 2012 году.

Ваша мать сразу же подвергла ваше тело погружению в холодovou анабиоз. Это оказалось правильным решением — сейчас мы получили возможность оживить вас.

— Шайсе, — выдавил потрясенный Рей. Психолог продолжала.

— Вы должны понять, что всех тех, кого вы знали, уже нет в живых. Единственный родственник, который сейчас жив и готов встретиться с вами, — ваш племянник Энрике Коэньо-Гольденберг. Вы помните его?

— Помню, конечно. Но он же совсем шкет... — вырвалось у Рея, хотя уже была ясна абсурдность этой мысли. Энрике. Черноглазый карапуз, сын сестры, выскочившей замуж за испанского футболиста. Мать она этим, конечно, не осчастливила, хотя ее кумир владел кругленьким состоянием.

— Сейчас господину Коэньо-Гольденбергу семьдесят шесть лет. Он встретится с вами, как только вы будете к этому готовы.

Через несколько дней Рей научился лихо вставать и ходить, посещал туалет, расположенный рядом с палатой. С аппетитом ел незнакомую, но вкусную пищу, которую ему таскали сестры. Все трубки из его тела удалили. Непрерывно мучили какими-то обследованиями. Говорили, что он — огромный успех Бернского центра. Оказывается, в мире сохранилось совсем немного крионированных тел, пригодных к оживлению. Большинство было повреждено необратимо, многие анабиозные фирмы разорились и похоронили клиентов. Мало того, Рею неслыханно повезло — его заморозили с какими-то специальными протекторами, так что

его клетки оказались очень мало повреждены. К тому же это было сделано необыкновенно быстро, чуть ли не в первые пять минут после смерти.

До сих пор было сделано всего восемь попыток оживления, и он первый, с кем это полностью удалось. И первый, кого удалось окончательно вылечить — с лимфосаркомой они здесь уже научились справляться: вводили какие-то микроагенты на основе вирусов, эти микроагенты восстанавливали поврежденные молекулы. Собственно, они же использовались после анабиоза, но если бы не эти экспериментальные криопротекторы, ничего бы не получилось. Рей был первым молодым реанимированным пациентом, единственным пришельцем из прошлого.

Рею это было все равно. Не так-то просто объяснить всем этим людям, каково это, когда нет и не будет больше никого из тех, кого ты знал: нет смешливой рыжей Дженнифер, великолепного Тимо, нет ребят из группы, гениального Сайласа, нет матери, строгой, консервативной католички, нет отца, которого Рей и так видел очень редко, отца, вечно занятого делами корпорации; нет сеструхи Клаудии с ее футболистом, никого, никого больше нет. Жив только маленький гиперактивный шкет Энрике — теперь седовласый старец.

Рей и не пытался объяснить. Все равно не поймут. Психолог в чем-то была права — он всегда легко приспособлялся к новой обстановке. Он объездил весь мир, искал просветления в тибетском дацане, катался на туземной лодке кану в Полинезии, спал с молоденькими приветливыми девочками в Таиланде, курил кальян в Тунисе. Он был шалопаем, четыре раза бросал учебу, наконец объявил себя творческой личностью и собрал

группу. Папан все пытался воспитывать его, но платил исправно. Мать старалась не замечать его походов.

Даже удивительно, что мать, которой он так истрепал нервы, оказывается, до такой степени его любила, шалопая и бездельника. Вложила весь личный капитал в крионическую фирму. Пошла против собственных католических принципов.

Когда Рей думал об этом, он испытывал доселе незнакомое чувство благодарности к матери. Раньше она постоянно раздражала его. Но вот же, оказывается, подарила вторую жизнь. И кто, как не он, сумеет устроиться и в этой жизни, начать с нуля, привыкнуть ко всему? Найти новых друзей.

Он сможет.

В комнате ожидания за стеклянной перегородкой сидел незнакомый мужчина.

Лицо, как у многих здесь, было не просто ухоженным — похожим на идеальную маску. Косметика, операции, кто их тут знает. Темные волосы волной зачесаны назад. Костюм незнакомого, но очень приличного дизайнера, из жесткой серебристой ткани, переливами меняющей оттенки, бордовый галстук, белый воротничок. Мужчина шевелил в воздухе пальцами правой руки, а левой придерживал что-то вроде айпада.

Рей шагнул в комнату. Мужчина поднял глаза, поднялся ему навстречу. Айпад сам собой сложился в крошечный прямоугольник, скользнувший в карман серебристого костюма.

— Здравствуй! — негромко произнес мужчина. — Не узнаешь, дядя?

И в этот миг впервые почудилось в его черных как угли глазах что-то знакомое.

— Энрике? — растерянно произнес Рей. Но ведь племяннику должно быть уже под восемьдесят!

— Привет, дядя Рей! — радостно шагнул к нему Энрике, обнял, похлопал по спине. — Что, скажешь, я сильно изменился?

— Ну как тебе сказать... — ошеломленно пробормотал Рей, вспомнив пацана, прыгающего вокруг стульев на семейном обеде наперегонки с домашним бульдогом, — но я ожидал, что ты... э... старше.

— Мне семьдесят шесть, — с легким удивлением ответил Энрике. — А, понял! В твоё время мой возраст считался старческим, и внешность у стариков была соответствующая. Но теперь совсем другая косметика, пластическая хирургия, да и вообще медицина. Сам все поймешь! Продолжительность жизни тоже выросла, но главное — увеличился активный период.

Они вышли в коридор, точнее, в хрустально сверкающую галерею с прозрачными стенами, за которыми были видны низко нависшие облака. Галерея опоясывала внутренние помещения Центра.

— Формальности улажены, — говорил Энрике, — я могу тебя забрать. Но они хотят, конечно, чтобы ты продолжал ездить на обследования. Бесплатно — ты же научный феномен. Ну, Рей, честно говоря, никто из нас этого не ожидал! Однако мы все очень рады. Вот сюда, налево.

Это была кабинка лифта, обитая мягким серым материалом, зеркала во всю стену, кресла, в воздухе — тончайшие экраны с беззвучно орущими поп-певцами. Энрике уверенно опустился в кресло, Рей тоже сел.

Через секунду убедился, что садиться стоило — лифт рвануло вниз и в сторону, словно на русских горках. К горлу подкатил комок невесомости, потом падение прекратилось, и лифт уже только ехал, подобно вагону. Затем створки раскрылись.

— Я на машине, — пояснил Энрике, — конечно, далековато, можно было лететь, но я подумал, что тебе интересно будет таким образом въехать в мир. У меня вилла на Бодензее.

Рей почти не слышал. Перед ним раскинулась гигантская многоэтажная парковка. Автомобили — если эти сверкающие снаряды с темными щелями окон или кокпитами-пузырями, чуть выступающими над металлом, можно назвать автомобилями — были закреплены на невысоких подиумах, носы приподняты вверх. Некоторые машины больше напоминали шаттлы из «Стар Трека». Энрике подошел к серебристой обтекаемой капсуле с непроницаемо черным кокпитом-крышей. На носу автомобиля блестел знакомый символ «Мерседеса». Дверцы распахнулись вверх на манер спортивного болида. Рей нырнул внутрь, на левое сиденье, и кресло удобно изогнулось, принимая пассажира. Стекла крыши-кокпита изнутри оказались прозрачными и даже не затемненными. Окружающее просматривалось так хорошо, словно крыши не было вовсе.

— Ну и машинки, — пробормотал Рей. Энрике провел пальцем по панели управления, состоящей из сенсорных клавиш. Вместо руля у машины был джойстик.

— Да, в ваше время в качестве топлива еще использовалась нефть. Эти, конечно, в основном на водороде, — небрежно уронил Энрике. Рей мельком подумал, что водительские права придется делать заново.

Из-под передних колес «мерса» вылетели вверх две серебристые полосы-направляющие. По этим полосам машина начала стремительный подъем вверх, взлетела над рядами других замерших на старте авто, выскочила наружу. Энрике поймал стальной тонкий проводок, приложил к собственному виску.

Рей ощущал себя героем фантастического фильма.

— Как в Голливуде, — не сдержался он.

— Голливуд? — в затруднении прищурился Энрике. — А, вспомнил! Да, знаменитая киностудия была. Сейчас в основном развлекательную продукцию выпускает Дримгейт. Еще японские есть хорошие студии...

— Дримгейт? Новая киностудия?

— Да нет. Кто сейчас смотрит кино? — сморщился Энрике. Он не вел машину, даже не касался джойстика. Машина мчалась сама. — Сейчас только интерэки.

— Кино вымерло? — удивился Рей.

— Нет, почему. Существует, даже популярно. Как театр. Ты часто в театр ходил?

— Один раз в школе, — вспомнил Рей.

— Вот и тут так же. Для любителей есть и кино. И театр, и книги. Все есть. Но народ смотрит только интерэки.

— А это что? Вроде игры интерактивной?

— Вероятно. Но те игры, что ты помнишь — примитив. Сейчас все намного интереснее. Да сам увидишь.

Рей повернулся к окну. Дух захватило.

Машина неслась на огромной высоте, не касаясь колесами дороги — она парила над гигантским спиральным спуском. Сзади оставались четыре небоскреба, в которых располагался, в частности, Бернский центр; впереди, далеко внизу, спуск переходил в виадук, дугой вскинутый

над городскими кварталами. Вид на город с высоты птичьего полета ошеломлял. Слева внизу синело озеро в обрамлении темных лесов. За ним — нечто новое, огромный прозрачный купол, закрывающий лес чуть не до горизонта.

— Это что такое, вон там? — спросил Рей. Энрике глянул.

— А-а, это закрытая зона. Там радиация, вот и поставили купол из графеновых мембран. Хоть ветром воздух отсюда не разносит.

— Почему радиация? — поразился Рей.

— Эпицентр. Берн, собственно, тоже зацепило, здесь километров сто всего. Там была база НАТО, русские бомбу сбросили.

— Так что, — помолчав, спросил Рей, — война была, что ли? Здесь, в Европе?

— Война была мировая, — сурово ответил племянник, — но уже пятьдесят лет прошло. Теперь уже нормально все. Правда, если помнишь, в твоё время на Земле жило семь миллиардов человек... или шесть? Сейчас по приблизительной оценке три миллиарда. Но я бы сократил ещё раз в два, прости за цинизм.

— Ничего себе, — выдавил Рей. И по-новому взглянул на молодого старика, сидевшего рядом с ним. — Тебе, выходит, тоже досталось тогда?

— Да ничего, — пожал плечами Энрике, — мы с родителями переехали тогда на Гран-Канария. Ты же помнишь, у нас там вилла. Там было спокойно. После войны вернулись сюда. В общем, на жизнь пожаловаться не могу.

— А чем сейчас занимаешься? — поинтересовался Рей.

— Да все тем же. Унаследовал корпорацию твоего отца, так как других родственников в живых не осталось.

Косметика и фармакология Гольденберга. Восемьдесят шесть фабрик в тринадцати странах.

Расстояние от Берна до Бодензее, две сотни километров, они преодолели за сорок минут. Машина неслась с головокружительной скоростью по трассе, проложенной в основном высоко над землей, но иногда спускалась вниз, а временами ныряла под землю, в бесконечные темные туннели. Неподалеку от Констанца «Мерседес» съехал с трассы на обычную вроде бы асфальтовую дорогу. И эта дорога через несколько минут привела к небольшому замку, сверкающему, как сахар на зеленой тарелке парка. Это было причудливое архитектурное сооружение из стекла и белоснежного непонятного материала. Казалось, дом сложен из белой папиросной бумаги. Складки внизу, башенки и переходы наверху. Широкий пруд и парковый ансамбль.

— Неплохо ты устроился, — только и сказал Рей. А ведь, казалось бы, и сам вырос в замке миллиардера.

Энрике усмехнулся. Травяной газон внезапно разъехался перед ними, и машина нырнула под землю. Из подземного гаража, напоминающего парковку в Берне, мужчин поднял домашний лифт.

— Ну а теперь — обедать! — весело воскликнул Энрике. — Комнаты для тебя уже приготовлены, отдохнешь пока. Мои все в разъездах. Но на днях обязательно познакомлю тебя с семьей.

Обед из шести блюд был подан в просторном классическом зале. Дядю и племянника обслуживали вышколенные официанты, чернокожие в белых ливреях. На диванчиках величественно возлежали два породистых

дога — мраморный и черный. Звучала тихая, на грани слышимости, классическая музыка.

Рей сожалел лишь о том, что желудок еще недостаточно растянулся и не то что съесть, даже попробовать все невозможно.

Впрочем, это не проблема. Будет еще время все попробовать.

По словам Энрике, виртуальную реальность, пресловутую «Матрицу», потомки так и не изобрели. Но в первый миг, едва Рей шагнул через порог в свои апартаменты, ему показалось, что он выпал из реального мира.

Затеиливые радуги вспыхнули над шкафом и стульями, просторная комната ожила, зазвучала голосами, тихими мелодиями, цветное облачко вдруг оторвалось от подоконника и поплыло к Рею. Через комнату пробежал, смешно подбрасывая зад, белый кролик. Рей остолбенел.

— Желаете напитки? — поинтересовалось облачко грудным женским голосом, дублируя эти слова надписью. Рей остолбенело помотал головой. Кресло внезапно сорвалось с места и поехало к нему.

— Пожалуйста, присядьте, — голос, на сей раз более низкий, доносился из спинки кресла. Подлокотники услужливо раздвинулись. Рей плюхнулся на сиденье. Облаков было уже два — розовое и зеленое, — они плясали в воздухе, и там, внутри облачков, шли какие-то непонятные телепрограммы.

— Желаете выйти в интернет? — осведомилось кресло.

— Да! — брякнул Рей. Из подлокотника высунулась змеиная головка — Рей отпрянул. Змея высунула длинный язык и предложила человеческим голосом:

— Трас-кола? Фанта — сто пятьдесят вкусов? Свежий сок? Алкогольные коктейли? Литы? Оргази?

— Ничего не надо! — буркнул Рей. Тем временем на голову ему опустился обруч с затемненной дугой на глазах — пришелец из прошлого разом оказался в мире ином.

Энрике говорил о вирт-костюмах, вирт-кабинах, дескать, для игр и интерэктов — самое то, полное погружение в мир тактильных, ольфакторных и прочих реальных ощущений. Даже болевых, по желанию, правда, с ограничителями. Но Рею хватало и визуально-слуховых впечатлений. Трехмерная реальность разворачивалась вокруг, и хоть Рей ощущал свое тело, уставшее после непривычного движения, расслабленное в кресле, сознание его было полностью захвачено интернетом.

Все это по-прежнему называлось «интернет», хотя и не имело с его куцей допотопной версией, которую Рей так любил раньше, ничего общего. Разница примерно как между летательным аппаратом братьев Райт и космическим челноком. Конечно, и то и другое летает...

Рей отказался от помощи, да у племянника и времени не было. Теперь было ясно, что самостоятельно в этом пестром, орущем многоголосием мире не разобраться. Управление было даже не голосовое, а через нейрофон, сенсор на гортани, с которого комп непосредственно считывал колебания.

Но как тут управлять? Рей попробовал запросить поисковую машину. Перед ним возникла белая стена, но справа налетела полуголая певичка с ядовито-розовой прической и пронзительным визгом, за ней нервно дергалась массовая подпевка из таких же идеальных ядовито-розовых девушек. Они пели о какой-то Игре, и

тут же возникла таблица, напоминающая о спортивных состязаниях. Слева ревел мотор суперновой «Субару», и сама машина крутилась в искрах на подиуме, звучала тихая музыка под шум прибоя — реклама курорта, впереди радостно кричали дети, увидев сладкие творожки, а потом из творожков вылезли разноцветные человечки (бр-р-р) и затанцевали. Одновременно приглашающе раскрылись несколько дверей и ворот; огромный радужный портал звал к самому массовому рынку в истории «Купить Можно Все!», еще пять или шесть интернет-магазинов наперебой зазывали, сверкая надписями и огнями, в свои заманчивые недра, внизу возбуждающе мерцала алым дверца, за которой мелькали женские попки и груди, предлагая волшебство эротических наслаждений, вверху гремел музыкальный портал... Рей окончательно запугался, махнул рукой и поплыл по воле течения. Его занесло вначале в музыкальный зал (и здесь было трудно удержаться от затягивающих сознание окон эротики, магазинов, других музыкальных порталов), и он попытался оценить здешние стили.

Что сказал бы Сайлас, гениальный гитарист, которого Рей отыскал в мелком клубе Амстердама и который оказался настоящим кладезем? Впрочем, группа «Распад сознания», основанная Реем, не добилась особых успехов, и в раскрутке он, несмотря на вложенные папины деньги, тоже оказался не слишком хорош. Сам Рей играл в группе на ударных, иногда заменяя Боба, или на маракасах и прочей ерунде.

Но здесь никто не дотягивал до уровня Сайласа, или Рею просто не удалось вот так, с легу, найти что-то приличное. Попса за прошедшие семьдесят лет стала еще примитивнее и давила больше на эротические инстинкты (исполнители были профессионально обнажены), чем на

эстетические. Хотя, утешал себя Рей, если в наше время зайти на любой музыкальный портал, что ты встретил бы в первую очередь? Уж явно не элитарную музыку на ценителя. Потом его буквально затянуло в двери гигантского магазина, в коем он не без удивления узнал старый добрый Гамазон.

Понять здесь было ничего невозможно! Какие-то красотишки сновали вокруг, швыряли товары, казалось, прямо ему в руки и наперебой рассказывали о чудесных свойствах плазмеров, каддеров, ку-фаев, чивандайзеров, кухонных приставок, финатовых ширм и прочих совершенно необходимых в жизни вещей. Рей совершенно случайно едва не купил какую-то помесь кофемолки с электронным справочником и теплоизлучателем, и сделка сорвалась лишь потому, что очередная красавица-продавщица, схватив его за руку и приставив палец к темной дощечке, разочарованно произнесла: «Ваша кредитоспособность не поддается оценке, проверьте, пожалуйста, настройки вашего компьютера!» — и мгновенно испарилась. Мысленно вытирая пот, Рей нашел выход из Гамазона и поклялся себе впредь не заходить в такие места без предварительного интернет-курса. Единственное, что его спасло, — отсутствие (пока что) его чипа в общей банковской системе.

В конце концов Рею удалось как-то разобраться в поисковом портале, и он принялся с интересом изучать современные трехмерные видео и даже поучаствовал в одном интерэке — музыкальном клипе. Этим он занимался до вечера, пока Энрике не возник в одном из интернет-окон и не пригласил его на ужин.

На ужине присутствовала супруга Энрике — директор исследовательского фармацевтического института концерна Гольденберг, очаровательная Наоми Гольденберг.

Этой тщательно моделированной брюнетке на вид было лет тридцать, хотя по факту исполнилось семьдесят два. Наоми улыбалась и непрерывно щебетала.

— Попробуй еще вот тропикану, эти фрукты нам доставляют свежими из Танзании самолетом, а наш повар делает великолепные десерты... Жюль, — она щелкнула пальцами, и чернокожий слуга немедленно поставил перед Реем блюдо. Размороженному стало не по себе, в его времена порядки даже в лучших домах Европы были более демократическими.

Кстати, в столовой и во всем остальном доме мебель не прыгала как сумасшедшая и не решала за Рея, чем ему заняться.

— Наш старший сын сейчас, к сожалению, не может — проходит курс омоложения на Гавайях. А младший, Гарри, на совещании топ-менеджмента, он много занимается делами, труженик, но обещал непременно приехать познакомиться с тобой! И Марго привезет, Марго — это наша младшая внучка. Она еще студентка.

— А сколько всего у вас внуков? — спросил Рей, чтобы не выглядеть невежливым.

— Твоих внучатых праплемянников, — ухмыльнулся Энрике, — ну, кроме Марго, еще Елена, она занимается модой, сейчас на показе в Париже, но обязательно явится. И Леон...

— Наш старшенький внук! Он у нас геймер, — с гордостью вступила Наоми. Рей неловко кивнул. Он не понял, почему надо гордиться тем, что взрослый, по всей видимости, мужик проводит массу времени за компьютерными играми, но кто их тут знает.

— Как тебе нравится у нас? — сменила тему Наоми. — Ведь правда, интересно?

— Да уж конечно! — Рей вспомнил свои приключения в интернете и со смехом рассказал о попытке зайти в Гамазон.

— Да, это не так-то просто! Чтобы успеть за современным темпом, тебе надо будет позаниматься!

— А кстати, я получу этот... чип? Как я понимаю, это у вас вместо денег?

— Не торопись, дядя, — кивнул Энрике, — на завтра я вызвал нашего управляющего Ахима Перейру. Он занимается и твоими делами. С утра мы на свежую голову спокойно все это обсудим.

Рей открыл глаза.

Несколько секунд он не понимал, где находится. Потом нахлынула эйфория.

Он выжил. Он умирал от лимфосаркомы, ему было так хреново, как никто даже представить себе не может: боль, тошнота, нечеловеческий ужас — и все это в двадцать восемь лет! Рей, росший в баварском роскошном поместье, учившийся в частной школе, Рей, в жизни не знавший затруднений с оплатой любого каприза, никак он был не готов к тому, чтобы умереть, не дожив до тридцати. И все же умер.

Но — ожил снова. Да ведь это самое сногсшибательное, самое потрясающее приключение, такого никто из его друзей не мог даже представить. Жаль, что им уже этого не рассказать. Но главное — он жив. Ему снова двадцать восемь. У него впереди вся жизнь, причем жизнь куда интереснее и полнее, чем та, которую он прожил бы в свое время. Дримгейт, собственный вертолет, интерэки, роботы, «интерактивная реальность» — вся эта живая мебель...

Рей спустил ноги с постели. Племянник выделил ему апартаменты из четырех комнат. Если эти залы можно назвать комнатами. Теперь Энрике объяснил, как отключить интерактивные функции, оставил лишь несколько необходимых — и комнаты остепенились. Здесь было просторно и просто: деревянная мебель, паркетный пол. А вот стены необычные — матово-тусклые, похожие на экраны, и совершенно прозрачная стена в сад, как будто ее и нет, и в спальню ломятся тяжелые зеленые ветви с незрелыми яблоками. Пение птиц оглашало комнаты, пахло свежестью и цветами, но ничего общего с какими-нибудь освежителями воздуха. Самые настоящие ароматы, природные.

Рей прошлепал в душ — пол был приятно прохладен. С минуту разбирался в системе кранов, сенсоров и душевых трубок, ругался с интерактивной системой. Наконец сумел более или менее успешно вымыться, промыть голову шампунем, а потом даже отыскать манипулятор, игравший роль фена, и высушиться. По ходу действий душ пытался продать ему какой-то новейший набор для мытья и эпиляторный крем, но Рей нахамил искусственному интеллекту и сообщил, что чипа у него до сих пор нет.

Шкаф, распахнув дверки, выдал набор одежды: светло-серые брюки, черная шелковая рубашка, натуральное белье и носки. На столе оказался поднос с завтраком. Рей взглянул на часы и устыдился — продрых до одиннадцати, надо же.

Он быстро оделся, покидал в себя завтрак — булочки, свежий джем, масло, нарезка, хороший крепкий кофе. Как приятно вновь ощутить себя живым и здоровым! На стене возникла физиономия племянника, Рей вздрогнул.

— С добрым утром, Рей! Встретимся через полчаса в моем кабинете, ОК?

Пошатываясь, он вышел в коридор. Хорошенькая прислуга наводила порядок — снимала со стены тонкие стеклянные рамки, продувала их неким приборчиком, устанавливала на место. Девушка обернулась к Рейю, приветливо улыбнулась и сказала по-немецки:

— Доброе утро!

Она была натуральной блондинкой — пышные мягкие волосы до плеч, серые глаза, заметные крепкие груди под синим комбинезоном, тонкая талия перетянута фартучком с оборками. Безупречные бедра и, к сожалению, скрытые брюками ножки. Зато руки обнажены почти до плеча, на них выделялись мышцы, немного слишком развитые, но под мягкой и нежной кожей — так и хочется погладить.

— Доброе, доброе! — ответно улыбнулся Рей. — Вы откуда, добрая фея?

— Я работаю у вашего племянника, — пояснила девушка, — меня зовут Леа. Моя специальность — семейная помощница, или, по-старинному, экономка.

По-немецки девушка говорила свободно, но с легким акцентом. Славянка?

— Откуда вы приехали, Леа? — поинтересовался Рей. — Если не секрет?

— Нет, конечно. Я из Польши, город Львов.

И она снова ослепительно улыбнулась. Рей подмигнул красотке, бросил еще раз взгляд на крепкие грудки под синей тканью и подошел к мраморной лестнице, ведущей на третий этаж.

Кабинет Энрике пока был пуст. Рей оценил изысканный дизайн помещения — белые кресла, словно растущие из

перламутрового пола, непонятные серебристые приборы у стен, за перегородкой угадывались очертания письменного стола, мониторов. Здесь не было окон, но свет лился, казалось, отовсюду. На перегородке, делящей кабинет на две части, мерцала разноцветная гигантская карта мира.

Вот только очень странная карта.

Рей сел в одно из кресел и принялся изучать нынешнее мировое устройство. Что там Энрике говорил, теперь на планете живут только три миллиарда?

Цветной была меньшая часть мира — почти вся Северная Америка, Австралия, Африка, часть Европы, некоторые острова. Японии на карте вообще не было! Зато увеличена и выделялась бордовым пятном Гренландия. Эта раскрашенная часть мира была разделена на страны, хоть и не совсем так, как смутно вспоминалось Рею.

А вся остальная гигантская часть суши, в том числе вся Россия, Китай, Индия, да и вся, собственно, Азия и еще Южная Америка — все это оставалось на карте девственно белым. И черным по белому — единственное обозначение: Cold Zone.

Европа была нарезана причудливо. «Холодная» белая зона проходила, оказывается, не так далеко отсюда, начинаясь от северной границы Баварии и Баден-Вюртемберга. Она занимала всю оставшуюся часть Германии, Данию, Скандинавию, переходя на востоке в необъятные просторы бывшей России. Внизу белой была Греция и какие-то еще страны рядом, белая зона проходила по берегу Черного моря и опять же впадала в гигантские российские просторы. Остальная Европа была цветной — от Англии, Франции и Бенилюкса, через Швейцарию и Австрию, Чехию, Польша была белой на севере и цветной к югу. Кстати, что там сказала эта девочка? Она полька из Львова. Но

разве Львов — польский, а не русский город? Впрочем, кто его знает, Рей никогда не был силен в географии.

Рей так увлекся рассматриванием карты, что вздрогнул от толчка двери. Вошли Энрике и управляющий Ахим Перейра, стройный, с благородными бакенбардами.

— Прости, дядя, мы слегка задержались, — улыбнулся племянник, — надеюсь, ты не скучал.

— Я тут карту разглядывал. Что это случилось с Россией и Китаем? — поинтересовался Рей. Энрике развел руками.

— Я ведь говорил тебе, что была большая война. К сожалению, на этих территориях практически ничего не осталось. По большей части они заражены, все разрушено, сожжено, зона бедствия. Нет, там кто-то живет, конечно. Но... цивилизации там нет, и для инвестиций эти земли больше не представляют никакого интереса. Пока, во всяком случае.

— Ничего себе, — поразился Рей, глядя на уничтоженную половину мира.

— Могло быть хуже, — заметил Энрике. Мужчины заняли кресла, перед ними развернулся серебристый пленочный экран, непонятно каким образом повисший в воздухе.

— Да, счастье еще, что во время войны уцелело так много нормальных, цивилизованных стран, — подтвердил Перейра.

— И Германия наполовину...

— Больше, больше, чем наполовину, — скорбно подтвердил Энрике, — Однако будем радоваться тому, что пока еще есть. И перейдем к делу. Ахим?

— Да, пожалуйста! — Перейра слегка поиграл на консоли, и на серебристом экране стали разворачиваться графики.

Рей слушал внимательно. Вначале он ничего не понимал, но Перейра настойчиво повторял одно и то же. Холодный пот покатился по загривку. Перейра говорил и говорил, словно гвозди вбивал в крышку гроба, чтобы уже запереть покойника понадежнее.

По его словам выходило, что у Рея нет денег. Совсем.

Мать, отправляя его в рискованное путешествие в будущее, позаботилась о дальнейшей оплате крионической фирмы. Фактически она потратила на это все свое состояние, и остаток после своей смерти завещала только ему — его телу, беспомощно погруженному в жидкий азот.

Эта фирма забрала абсолютно все. И хотя отец тоже завещал ему когда-то небольшой капитал, весь этот капитал был целиком уничтожен во время войны. Потеряны все фабрики Индии, Пакистана, Бангладеш. Именно часть наследства Рея была уничтожена.

Клаудиа и Энрике сумели возместить свои потери, быстро развернув производство инновативных фармакологических средств. Но частью капитала Рея никто не занимался — было просто не до того. Да никто и не верил в возможность оживления.

И теперь никаких денег у Рея не было. В последние годы его труп содержали бесплатно, за какой-то грант, так как он считался научным феноменом, по этой же причине его бесплатно обслужили в клинике. В данный момент Рейнольд Фридрих Гольденберг — полностью нищий человек, ему даже нечем заплатить за оформление чипа и документов. У него нет дома; подобно Сыну Божьему, ему негде преклонить голову, нет капитала, нет образования. Нет ничего.

— Вот как, — только и произнес Рей, когда Перейра окончил разъяснения. Его била дрожь, сильнейшее

беспокойство, он никогда еще такого не испытывал — чтобы нигде, даже вдалеке и в виде надежды, не маячила тень всемогущего отца с неисчерпаемым счетом. Чтобы не носить кредитку в кармане и не иметь возможности по любому случаю небрежно кинуть ее на прилавок.

Это было совсем новое и очень, очень неприятное ощущение. Он сжал зубы, чтобы сдержать панику.

«Зато я жив. Черт возьми, я жив, и у меня нет лимфокомы. А с деньгами как-нибудь, да уладится!»

— Однако, Рей, тебе не следует беспокоиться, — любезно заметил племянник, — у тебя есть родня. Мы с радостью тебе поможем, наша семья по-прежнему состоятельна. Пока не думай ни о чем, спокойно живи в моем доме, изучай новую реальность. Со временем мы найдем тебе какую-нибудь работу. Конечно, ты должен знать правду. Но не беспокойся, Рей! Само собой разумеется, я тебя не оставлю.

Слова племянника о «какой-нибудь работе» зацепили Рея больше, чем он сам мог предположить. Но через несколько дней он совершенно успокоился и забыл эту фразу. Отец тоже постоянно бурчал на тему: «надо-учиться-надо-работать», но, тем не менее, башлял, и башлял столько, что хватало на все.

Теперь племянничек в три раза старше его. Это старпер, как они любят говорить, «всего добившийся» (хотя чего он добился? Ему ведь все падало в рот). Он просто физически не может не нудить. Однако семейные связи остаются семейными связями — своих не бросают. Да Рей на одних воспоминаниях о прошлом может состояние сделать!

Так что стресс быстро улегся. Энрике распорядился оформить Рею чип (чип вводился, как собаке, банально, под кожу). Отдельного счета ему не завели, но он мог пользоваться семейным потребительским счетом — не-иссякаемым.

Сначала он летал в клинику раз в два дня, затем ему разрешили являться раз в неделю. Здоровье не вызывало никаких нареканий.

Рей научился ориентироваться в интернете и отключать хотя бы часть рекламы. Он просмотрел последние хиты интерэков. Спецэффекты были великолепными. Например, в «Убийстве с клубникой» можно было самому выстрелить в убегающего маньяка и ощутить запах горелой человеческой плоти. В космическом боевике «Опасная звезда» тело плавало в невесомости среди звезд, так что даже комок к горлу подкатывал.

Распространены были в основном сюжеты боевиков и детективов, отдельной статьей шла эротика. Собственно говоря, в нормальном сексе уже практически не было нужды, так как спецнасадки и вирткостюм обеспечивали полную гамму тактильных ощущений, а интерэки — любую, самую немыслимую обстановку.

Ему очень хотелось посмотреть мир: что в нем изменилось? Пощупать собственными руками новую ткань этого мира, ощутить его запах. Рей просмотрел туристические порталы. На южных курортах, не перешедших в Холодную зону, мало что изменилось. Но ему хотелось не пляжей и мулаток — секс, море и солнце вряд ли сильно изменились за полвека. Интересно увидеть нынешние города.

С Нидерландами вышел полный облом. Оказывается, за это время уровень Мирового океана значительно

повысился. И с климатом произошла ерунда, которую еще тогда предсказывали, и к тому же во время войны применяли какое-то новое оружие, так что земная кора взбесилась, было много цунами и землетрясений. Часть голландской территории ушла под воду, на другой части шла мощная стройка — наращивали гигантскую стену для защиты от океана. Та же история творилась и в Англии. Что касается Японии, она прекратила свое существование; вернее, перенесла его на территорию Австралии, где им выделили значительный кусок местности, почти равный прежним островам. Там теперь располагались старые японские корпорации — Мицубиси, Тойота, Тошиба, Сони, Хитачи, по-видимому, сохранившие богатство и влияние. Однако ехать в такую «Японию» не имело смысла. Вообще прежние туристические цели как-то утратили лоск, вместо этого компании активно предлагали, например, Карлсруэ — уж что там такого интересного, в этом затрапезном немецком городе? Много увлекательного обещали США, но в Америку Рею пока не хотелось лететь.

На собственный страх и риск Рей в одиночку полетел в Люксембург. То есть, конечно, его сопровождал семейный пилот — все-таки на автоматику целиком полагаться нельзя.

Столицу карликового герцогства было не узнать. Древние замки и ажурные мосты над каньонами были лишь декорациями — в них творилась мистерия. Цвели неземные растения, порхали гигантские бабочки, вспыхивали фейерверки, из каньонов поднимались мерцающие облака, дивные существа танцевали в воздухе.

Рей помнил, что в прежние времена здесь ходили какие-то экскурсии из пенсионеров в шортах и с фотоаппаратами и жадно глазающих на все восточноевропейцев.

Сейчас не было ни экскурсионных автобусов, ни деловитых гидов, ни туристов. По городу свободно разгуливали дамы и кавалеры в пышных средневековых нарядах, в каретах проезжали важные лица, гарцевали отряды мушкетеров на выхоленных конях. Входы охраняли гвардейцы — в основном почему-то чернокожие. Впрочем, многие были одеты обыкновенно, как Рей, видимо, приезжие. Замки и здания перемигивались фантастической иллюминацией, повсюду то и дело разыгрывались ролевые сцены — Рей не знал этих фильмов и интерэктов, но остальные, по-видимому, были в курсе. Разные эпохи и миры пересекались в Люксембурге. В каньон плавно спускались на дельтапланах юные девушки в сверкающих платьях — словно стайка летучих эльфов. У самого дворца Рея едва не сбила с ног группа гогочущих офицеров в форме Третьего Рейха.

На фасаде ресторана переливалась трехмерная видеореклама — Флаг-Турнир Люксембурга, 5 апреля, 10.00, какие-то вооруженные мускулистые парни с флагами. Рей вошел в ресторан и с облегчением уселся. Смуглый официант немедленно подскочил с меню. Рей заказал, почти не глядя. Обслуга здесь работала бесшумно и ловко. В основном иностранцы, конечно — из Африки или откуда их там несет. В этом смысле в Европе ничего не изменилось, разве что иностранцы ведут себя не так нагло. Наверное, отменили пособия, подумал Рей. Не то что пособия и иностранцы его раздражали, но в глубине души он не мог не признавать правоту окружающих: все же ненормально, когда эти голодранцы толпами едут в Европу паразитировать на социальных пособиях.

Здесь они в основном работали, и работали старательно. Внезапно рядом с Реем появился какой-то тип с

фиолетовыми глазами и коротко стриженной шевелюрой того же цвета.

— Извините, все столики заняты. Вы не будете против, если я...

Рей пожал плечами. Тип плюхнулся напротив него и углубился в изучение электронного меню. Официант тихо поставил перед Реем блюдо с жареным мясом и капустой.

Сосед оторвался от меню, сделал заказ. Затем взглянул на Рея, улыбнулся.

— Кстати, раз уж я здесь сижу, то, видимо, надо представиться. Меня зовут Шон Уэсли. Я журналист, сотрудник «Риаллайф». Вы ведь знаете наш портал?

— Э... не очень, — признался Рей, — дело в том, что я...

Журналист протестующе выставил ладонь.

— Нет, нет, не надо оправданий! Я все понимаю. И вам представляться не нужно — я знаю, кто вы такой.

— Гм, — произнес Рей, начиная понимать, что его обвели вокруг пальца. Но уйти сейчас было бы странно — бросить только начатый обед...

Посоветовавшись с Энрике, он отказал всем журналистам, хотя уже в первый день получил с десятков запросов на интервью. Как и у большинства здесь, лицо Уэсли было полностью смоделированным и казалось лицом киборга — неестественно ровная кожа приятного оттенка, идеальные черты и декоративная печать «Риаллайф» на виске. Это Рея уже не удивляло. Он и сам планировал в ближайшее время отправиться в модель-салон, вот только надо было выбрать свой имидж.

— Не обижайтесь, — улыбнулся Уэсли, — если вы не хотите интервью, я прекрасно могу это понять. Право на частную жизнь! Это важнее всего. Но я очень любопытен, это не только профессиональное, это личное.

Вы можете поговорить со мной просто как с человеком?

— А завтра все это появится на первой полосе... или как это у вас называется?

— Ну что вы! — воскликнул Уэсли. — Да если я посмею хоть слово опубликовать без вашего согласия, вы сможете разорить меня начисто! Вы знаете, какая сейчас юриспруденция? Всего несколько вопросов, Рей! Вы меня так обяжете!

— Ну хорошо, — сдался пришелец из прошлого, — валяйте, спрашивайте.

Уэсли подобрался.

— Вопрос самый простой: вот вы видите наш мир... Что в нем изменилось по сравнению с прошлым? Что особенно поразило вас?

— Ну, конечно, интернет, — не колеблясь, ответил Рей, — техника вообще. Машины все эти, вертолеты. Интерактивные системы, — он чуть не сказал «интерактивный секс». — То есть можно было представить и большие изменения, но и это все равно поражает. Система торговли, реклама — раньше она все-таки не была такой... навязчивой.

Официант принес Уэсли заказ — судя по обилию макарон, какое-то итальянское блюдо. Уэсли аккуратно вооружился ложкой и вилкой.

— Так, — подбодрил он Рея, — ну техника — это самое очевидное. А общество, люди? Что-нибудь изменилось для вас?

— Для меня — конечно, — медленно сказал Рей, — мои близкие и друзья давно мертвы.

Уэсли даже перестал жевать, сочувственно глядя на него.

— Но вы живы, — сказал он ободряюще.

— Да, я жив, хотя тоже должен бы сейчас лежать в виде горстки пепла, — согласился Рей, — и это позитивно.

— А наше общество?..

— Я не вижу особых изменений, — осторожно сказал Рей, — все, как и раньше.

— Но ведь была война! — воскликнул журналист. — Это-то вы должны были заметить!

— Конечно, да. Все эти зоны, купола. Опять же, Япония затонула, часть Нидерландов, — Рей вдруг разозлился. Похоже, Уэсли хочет выставить его недалеким идиотом, — но вы знаете, в целом и у нас все было так же. США и Европа пляшут, отдыхают и нюхают кокаин. Негры, арабы и всякие югославы всеми правдами и неправдами ломаются в Европу и согласны на любую работу. Что, сейчас не так, скажете? Ну а большая часть мира — «холодная зона», потому что ни Россию, ни Китай мы не понимаем и боимся. Так в чем разница, что изменилось?

— Ни России, ни Китая больше не существует, — медленно сказал журналист и вдруг улыбнулся, — а вы интересно мыслите. Нестандартно! Пожалуй, ведь и правда — в этом смысле ничего не изменилось.

Он кинул взгляд на пробегающего мимо чернокожего парнишку-официанта.

— Зона Развития... Не дай бог там жить, это правда. Неудивительно, что бедняги стремятся к нам всеми силами. Но давайте поговорим о чем-нибудь более интересном! Ведь вы, можно сказать, пришелец из прошлого! Расскажите, как оно было там, в 2012 году от Рождества Христова?

— Да обычно, — Рей пожал плечами, — даже не знаю, что вам рассказать. Многого не было из того, к чему вы

тут привыкли. Фильмы были обыкновенные, трехмерные только появлялись, и это было совсем не так, как здесь — только отдельные спецэффекты. Кстати, в 2012 году все ждали конца света. Даже фильм был такой, «2012». По какому-то календарю Майя рассчитали...

По выражению лица журналиста Рей понял, что тот ничего не слышал о конце света в 2012 году и о календаре Майя. И что с тех пор в апокалиптическом смысле случились куда более интересные события, о которых он, Рей, ничего рассказать не может.

Он торопливо заговорил о компьютерных играх. В принципе, он не был геймером, но кое-что порассказать мог. Уэсли кивал, но наибольшее внимание уделял своей тарелке. Рей, впрочем, тоже успевал в перерывах пожевать мясо. С игр он перешел на музыку, и тут уже дал себе волю, поругав одних, мимоходом похвалив других, выразив сожаление, что такие-то перспективные направления полностью потонули за эти годы.

— Ну а политика, экономика? — спросил журналист. — Что можете сказать на эту тему?

Рей пожал плечами.

— Не помню уже. Была война в Сирии, кажется. Еще Ирак. Афганистан — это раньше... Вы про 11 сентября-то знаете?

— Как же! — оживился журналист. — Эта траурная дата положила начало новой эпохе в истории человечества. Правда, если откровенно, Рей, с тех пор взорвали столько небоскребов!

— Не знаю, — вздохнул Рей, — я политикой не особенно интересовался.

— А по поводу обычной жизни в Европе? Кажется, тогда впервые поставили вопрос о БОДе?

— О чем — о чем? — удивился Рей.

— А, или я ошибся, и это было позже. Безусловный основной доход. То, что сейчас у нас называется базисом. Каждый человек имеет право на базис — на обеспечение основных минимальных потребностей. Конечно, это относится только к гражданам и гостям Демократической Федерации.

— А я думал, у вас пособия отменили. Нет, я по этому поводу не могу ничего сказать, — признался Рей, — никогда не интересовался.

Уэсли отодвинул тарелку. Прижал предплечье к сенсору оплаты.

— Рей, — проникновенно сказал он, — а может, все-таки дадите разрешение на публикацию? Я бы вам пообещал половину гонорара, но у вас и так денег куры не клюют. Понимаете, Рей, сейчас публику заинтересовать трудно. Знаете почему? Реальная жизнь полностью уравнена в правах с выдуманной. Посмотрите на Люксембург. Что это — древнее европейское герцогство с тысячелетней историей или обиталище эльфов, гномов, вулканцев, трутов с планеты Вирин? То же самое творится в журналистике. Вы же читали новостные порталы?

— Я не очень интересуюсь такими вещами, — небрежно ответил Рей. Журналист ему уже поднадоел.

— Надо искать что-нибудь, что поразит воображение публики. Что купят. Понимаете? Что купят. Это можно найти — но можно и придумать. Искать — это труд, придумывать — удовольствие. Я могу сесть и из пальца высосать интервью с придворным Людовика XV, прилетевшим на машине времени. А могу преследовать вас, как детектив, умолять, уговаривать, даже унижаться — и написать интервью

с настоящим, а не выдуманным пришельцем из прошлого. Для публики это одно и то же. И по деньгам для меня — то же самое. Но придумывать проще. И придумать я могу куда похлеще. Сейчас никого не интересует правда. Вообще, что это такое — правда? Она ведь всегда относительна. Хотя вы в чем-то правы — уже в ваше время правда перестала иметь какое-то значение. Важно лишь то, что напишут в газетах. Сейчас все это только расширилось и углубилось. Никто не ждет от журналистов сведений о мире. Все знают, что достоверных сведений о мире нет и быть не может. Мы все живем в фантастическом портале, где каждую минуту может случиться что угодно: обрушится цунами или метеорит, прилетят пришельцы, королева Виктория войдет в комнату, богатый дядюшка подарит нам миллиард, коммунисты бросят нас в концлагерь. Это гораздо интереснее, чем какая-то правда и какие-то сведения о жизни...

Он замолчал, допивая колу. Рей выжидательно смотрел на него.

— Поэтому, если сказать откровенно, вы не так уж интересны, герр Гольденберг. Именно поэтому сотрудники инфопорталов ограничились стандартными запросами на интервью и, получив отказ, сразу смирились.

Это было как удар под ложечку. Рей раскрыл рот.

— А зачем же вы тогда...

— А мне действительно интересно самому, — признался Уэсли, — но раз уж я работал, то могу рассчитывать на вознаграждение, как вы считаете? И потом, среди наших читателей могут найтись и те... кому небезразлично. Для кого есть некоторая разница между реальным человеком, жившим в начале века, — и выдуманным героем.

Журналист подался вперед.

— Я собираю информацию, — произнес он, глядя Рею в глаза, — меня интересует правда. У меня в заглажниках столько мелких любопытных фактов, столько сведений о нашем реальном мире, что, возможно, если бы я опубликовал всю свою коллекцию, кто-нибудь заметил бы между ними такие взаимосвязи, которые взорвали бы наш мир. Вы — часть этой правды.

Рей оплатил еду нажатием на сенсор, тупо глядя в столешницу, сверкающую немой подвижной рекламой.

— Вы же видите, — буркнул он, — я ничего не могу вам рассказать. Я сам ничего не знаю о мире. О музыке разве что. Да и то это только мое мнение. Все сведения о музыке нашего времени вы и так можете найти в интернете. А так... Я принадлежал к небедной семье. Мы жили, в общем-то, так же, как моя семья живет и сейчас. Ну, хайтека было поменьше. Что я могу вам рассказать?

— Я уже понял, — мрачно сказал Уэсли, — но разрешите опубликовать то, что вы уже сказали?

— Да публикуйте, — пожал плечами Рей, — что нужно — подписать что-нибудь?

— Достаточно устного согласия, — обрадовался журналист, — я все зафиксировал! Спасибо большое!

Рей молча проводил его взглядом. Возможно, следовало поговорить подольше. Он собирает сведения о мире. А Рею тоже пригодились бы сведения об этом мире и о том, как жить в нем.

Хотя, с другой стороны, — зачем? Он вроде бы и так неплохо устроился.

Рей мрачно поднялся из-за стола и двинулся в сторону замка. Настроение отчего-то было испорчено.

Содержание

ПРОЛОГ.....	5
Глава 1. Воскресение.....	15
Глава 2. Школа-коммуна.....	50
Глава 3. Реальная жизнь.....	80
Глава 4. Зона индивидуализма.....	95
Глава 5. Путешествие.....	115
Глава 6. Исторический клуб.....	157
Глава 7. Смена декораций.....	180
Глава 8. Взросление.....	204
Глава 9. Базис -гражданин.....	232
Глава 10. Агент КБР.....	280
Глава 11. Работа и личная жизнь.....	325
Глава 12. Коммунарская юность.....	385
Глава 13. На грани.....	433
Глава 14. Курсанты.....	459
Глава 15. Новая фармакология.....	506
Глава 16. На пороге.....	523
Глава 17. Встреча.....	557
Глава 18. Побег.....	588
ЭПИЛОГ.....	645

Яна Завацкая

ХОЛОДНАЯ ЗОНА

Ответственный редактор И. Эльтеррус
Редактор С. Тулина
Корректор И. Жигалова
Компьютерная верстка Н. Лаптева

Подписано в печать 10.06.2018
Формат 84 x 108/32. Усл.печ.л. 21
Бумага писчая. Гарнитура «GaramondNarrow»
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО ИД «Флюид ФриФлай»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор 2
тел. +7 (985) 8000 366
fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru
fiction@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин: gorodets.ru

Яна Заваяцкая родилась в 1970 году в Ленинграде, выросла в Челябинске. Была вынуждена уехать с мужем в Германию, где живет уже 25 лет. Занимается переводами медицинской литературы, пишет статьи. Ныне в России опубликованы три романа.

Будущее не принесло людям радости, две сверхдержавы все же сцепились в разрушительной ядерной войне. Но цивилизация не погибла, прошло некоторое время после этой страшной войны, и мир в очередной раз разделился на два враждебных блока. Один из них — «зона свободной торговли» — живет, как и прежде: в Федерации элита купается в роскоши, а остальные граждане влачат жалкое существование, получая нищенский «основной доход», но и это — благо по сравнению с голодом и массовой нищетой в бедных странах. Однако есть и другая, большая часть мира, где люди строят новое общество, без эксплуатации и элит, без денежных мешков и рыночной стихии. На Земле еще много проблем — от военного противостояния двух блоков до ликвидации экологических последствий ядерной войны. Там нет того, что обещают нам оптимистичные фантасты — бессмертия, сверхлюдей, фотонных звездолетов и изобилия. Но там есть надежда...

ISBN 978-5906827-72-2

9 785906 827722